
Режис Дебрэ – последний оракул Французской Республики

© 2021 г. Н.А. Руткевич

Politique Internationale, Le Pecq, 78230, rue du Printemps, Ibis, France.

E-mail: nroutkevitch@yahoo.fr

Поступила 27.05.2021

В статье рассматриваются главные темы творчества Режиса Дебрэ, одного из наиболее значимых французских философов и писателей современности. Дебрэ знаком российским читателям в первую очередь как соратник Че Гевары и теоретик кубинского революционного движения, а также как автор работ по медиологии – созданной им самой науки по изучению средств передачи идей и символов. Автор статьи подчеркивает, что центральное место в зрелом и позднем творчестве Дебрэ занимает тема священного в жизни человеческих сообществ, а также условия возникновения, трансмиссии и исчезновения религиозных, национальных и др. святынь и связанная с этими процессами эволюция мировых цивилизаций. На взгляд автора, Дебрэ является одним из наиболее проницательных аналитиков французской политической культуры, а его статья «Кто Вы – демократ или республиканец?», написанная в год двухсотлетия французской революции, предугадывает процессы, которые развернутся в последующие тридцать лет. Автор статьи уточняет, что Дебрэ описывает эти процессы как постепенную десакрализацию Республики, выхолащивание ее главных принципов и превращение ее в «обыкновенную демократию англосаксонского типа». В результате «единая и неделимая светская Республика» разваливается на общины, каждая из которых устанавливает свои святыни. В статье проводится мысль о том, что растворение особой республиканской модели Франции идет на фоне и как часть более глобального процесса угасания европейской цивилизации и растворения ее в западной атлантической цивилизации.

Ключевые слова: Р. Дебрэ, Французская Республика, цивилизация, демократия, республика, сакральное, европейская цивилизация, американская цивилизация, граница.

DOI: 10.21146/0042-8744-2021-8-92-102

Цитирование: *Руткевич Н.А.* Режис Дебрэ – последний оракул Французской Республики // Вопросы философии. 2021. № 8. С. 92–102.

Régis Debray – the Last Oracle of the French Republic

© 2021 Natalia A. Rutkevich

Politique Internationale, Ibis, rue du Printemps, Le Pecq, 78230, France.

E-mail: nroutkevitch@yahoo.fr

Received 27.05.2021

The article examines the main themes of the work of Régis Debray, one of the most important French philosophers and writers of our time. Debray is familiar to Russian readers primarily as an associate of Che Guevara and a theorist of the Cuban revolutionary movement, as well as the author of works on mediology – a science he himself created on the study of the transmission of ideas and symbols. Central to his mature and late work are the ideas of sacred in human communities, the conditions of the emergence, transmission and disappearance of religious, national and other forms of sacrality, and the related evolution of world civilizations. Debray is recognized by his peers as one of the most perceptive analysts of French political culture, and his article, *Are you a Democrat or a Republican?*, written in the year of the bicentennial of the French revolution in 1989, anticipates the processes that will unfold over the next thirty years. Debray describes these processes as a gradual desacralization of the Republic, the emasculation of its basic principles and its transformation into “a common Anglo-Saxon democracy”. As a result, the “one and indivisible secular Republic” is falling apart into communities, each of which establishes its own shrines. The dissolution of France’s particular republican model is taking place in the background, and as part of a more global process of the decline of European civilisation and its dissolution into Western Atlantic civilisation.

Keywords: R. Debray, French Republic, civilisation, democracy, republic, sacred, European civilisation, American civilisation, frontier.

DOI: 10.21146/0042-8744-2021-8-92-102

Citation: Rutkevich, Natalia A. (2021) “Régis Debray: the Last Oracle of the French Republic”, *Voprosy filosofii*, Vol. 8 (2021), pp. 92–102.

Режис Дебрэ¹ – один из значимых французских философов современности, напоминающих о великом прошлом Франции – родины Просвещения, о многих поколениях ее мыслителей, к которым когда-то прислушивались во всем мире. Масштаб фигуры Дебрэ определяется не только впечатляющей библиографией и заслуженным влиянием в стране и за ее пределами, но и перипетиями его удивительной жизни. Революционер-партизан, теоретик революционного «фокизма», соратник Фиделя Кастро и Че Гевары, друг Сальватора Альенде, советник Миттерана – Дебрэ яркий представитель традиционной для Франции фигуры интеллектуала-соратника великих политиков.

Режис Дебрэ обучался философии в престижной высшей школе Ecole Normale Sup, одним из его учителей был Луи Альтюссер. С начала 1960-х Дебрэ регулярно посещает Латинскую Америку. Там же он знакомится со своей будущей женой – венесуэлкой Элизабет Бургос, вместе с которой участвует в партизанском движении в Венесуэле. В 1965 г. в руки Фиделью Кастро попала статья Дебрэ о кубинской революции; он пригласил молодого француза на остров и включил его в ряды спутников революции. Дебрэ знакомится с Че Геварой и присоединяется к партизанскому движению, действующему в Боливии (АНО – Армия национального освобождения Боливии). Партизанское прозвище, выбранное Дебрэ, – Дантон, герой французской революции

«революционер из плоти и крови, в отличие от Робеспьера – персонажа слишком сухого, слишком рационального» [Jaigu 2016 web].

В 1967 г. выходит манифест «Революция в революции?», в котором Дебрэ-Дантон обобщает опыт кубинских барбудос, укоренившихся в Сьерра-Маэстре. Дебрэ становится «кастриским Энгельсом», настоящим теоретиком кубинского революционного движения, которому он дает название «фокизм», от испанского «фоко» – очаг. Создание множества очагов партизанской борьбы должно истощить силы тирании и подтолкнуть народное движение даже там, где объективные предпосылки для революции еще не созрели (например в Боливии, где действуют отряды АНО). Дебрэ делает упор на роль революционного авангарда и моральной ценности личного примера. 20 апреля 1967 г. Дебрэ и еще несколько участников отряда схвачены боливийскими правительственными силами. Дебрэ приговорен к 30 годам тюрьмы. Правительство Франции проделает немалую работу, чтобы добиться его освобождения; сам де Голль вступится за повстанца-гевариста. Благодаря этим усилиям Дебрэ будет вызволен три года спустя.

Как считает философ Жан-Франсуа Колосимо, именно во время тюремного заключения к Дебрэ приходит осознание национальной принадлежности, *укорененности* и ее первостепенной важности, тогда как интернационализм революционной борьбы отходит на второй план. Портрет де Голя, а не Маркса, висит в его боливийской камере. Именно тогда начинается в его творчестве поиск тех непреходящих незримых сущностей – религиозных, национальных и других метафизических идей, которые определяют индивидуальное и коллективное поведение. Этот поиск станет константой в его творчестве. При этом Дебрэ не отрекается от идеалов юности и не осуждает Кастро (он продолжал ежегодно приезжать на Кубу вплоть до 1989 г., когда отношения с режимом испортились из-за казни генерала Арнальдо Очоа).

Вернувшись во Францию, Дебрэ близко сходитя с Франсуа Миттераном, лидером Социалистической партии Франции. Когда Миттеран будет избран президентом в 1981 г., Дебрэ станет его советником по международным вопросам, желая содействовать «президенту-антикапиталисту» в обретении большей независимости от США и сближению со странами третьего мира. Но в 1990-е, разочарованный курсом на ускорение евростроительства, он отходит от политики и посвящает себя философии и публицистике. Он, однако, не вхож ни в одну из философских школ того времени, его не терпят университетские авторитеты во главе с Пьером Бурдые – самым модным и влиятельным философом тех лет. Дебрэ отказывается «идти в ногу со временем» и ввязываться в академические баталии. В интеллектуальном пейзаже Франции он остается «темной лошадкой», не поддающимся классификации мыслителем вне школ и направлений. В 1991 г. он защищает докторскую диссертацию по теме «Жизнь и смерть образа. История взгляда на Западе». Тогда же он создает свою собственную науку – медиологию, которая занимается не медиа-сферой, а изучением всех средств передачи идей, символов, догм и верований. В 2002 г. он становится одним из инициаторов создания Европейского института изучения религии.

В своих работах по медиологии Дебрэ заостряет внимание не столько на коммуникации, сколько на том, как объекты культуры формируются медиумом. Его интересуют процессы передачи культурных форм, трансмиссии – то есть те процессы, которые развивают коллективную память. Он создает периодизацию развития этих процессов. Первый период носит у него название логосферы, он начинается с изобретения письма и является эпохой теологии. Второй период – графосфера – начинается с революции Гутенберга и продолжается до расцвета телевидения. Современное время – это видеосфера, когда книга теряет свою важность, а ее место занимает образ (См. об этом: [Дебрэ 2010]). В большинстве своих работ он ссылается на противопоставление графосферы, эпохи, в которой он вырос и сформировался, и видеосферы, современной эпохи, где картинка вытеснила письменное слово, герой уступил место теле-знаменитости, гражданин – потребителю, закон – мнению, коллективный идеал – индивидуальному.

Предложенный Дебрэ еще в 1990-е гг. анализ визуальной цивилизации, познающей и объясняющей мир через образы, картинки, кадры и видео, с минимальным

текстом или вовсе без всякого нарратива и контекстуального сопровождения, особенно интересен в эпоху расцвета социальных медиа, видеоканалов и тотального самопоказа. Признавая безусловный триумф видеосферы, Дебрэ встает на сторону незримо-го: «Я защищаю все те ценности, которые поставлены под угрозу первой цивилизацией, принимающей за свою основу видимые технологии – и ничего более. Как писал Жан-Жак Руссо: чем больше мы видим, тем меньше мы способны представить себе» [Debray, Fumaroli 1993 web]. Именно то, что невидимо, наделяет смыслом то, что видим. В средневековом споре номиналистов и реалистов Дебрэ был бы на стороне последних.

Мыслитель настаивает на первостепенной роли религиозного фактора и святынь в жизни любой человеческой общины. Религия – этимологически происходящая от латинского «*religare*» – есть то, что связывает. Потому религиозное, в отличие от духовного, всегда соотносится с политическим объединением, с коллективом. Если духовность относится к внутренней жизни индивида, то религию, пишет Дебрэ, правильнее было бы именовать «причастие», так как она роднит человека с его подобными. Вопрос «Что нас объединяет?» всегда влечет за собой другой вопрос: «Ради чего мы вместе?». Объединение задает движение, поиск смысла. В свою очередь, святыня – то, в чем материализуется это единство, благодаря чему оно приобретает определенную форму выражения. Это те материальные и нематериальные ценности, которые позволяют «причаститься», почувствовать себя частью целого. Святые места – будь то храм, зал суда, кладбище, Пантеон – это не просто места поминовения, отправления закона или торжественной церемонии; это места единения, где собираются не пассивные зрители (как в музее), а активные участники исторического процесса, которые в этих местах и в этих церемониях обретают свою коллективную душу. Ни одно долгосрочное человеческое объединение не может существовать без религии, без трансценденции. Секуляризация общества в данном случае не говорит о том, что обществу не нужны святыни. Напротив, атеистические государства всегда обладают своим сакральным, и десакрализация неизбежно предшествует развалу этих систем, как, например, развенчание культа Ленина и вопрос о его захоронении в 1980-е гг.

Во Франции, которая стала светским государством в 1905 г., когда был принят закон об отделении церкви от государства, именно *laïcité* (светскость государства) долгое время играла роль гражданской религии. Она выступала в качестве одной из основ республиканского строя, мобилизуя его защитников на борьбу с клерикализмом. Согласно широко распространенному мнению, *laïcité* была направлена на нейтрализацию религиозного чувства; однако она, как пишет Дебрэ, напротив, стала новой формой и субститутом католицизма, предложив обществу новую сакральность. Религию невозможно вытеснить рациональным учением. Одну систему верований можно заменить лишь другой системой верований, и потому сакральность Республики заменила сакральность монархии и католицизма. Постепенная десакрализация Республики и «превращение ее в обыкновенную демократию» приводит к тому, что нация разваливается на общины, каждая из которых устанавливает свои святыни [Debray, Colosimo 2020 web].

Сходные рассуждения можно найти в работах одного из наиболее влиятельных французских социологов современности Эммануэля Тодда. Он подчеркивает мобилизующую роль сопротивления католическому клерикализму в деле единения нации во круг французского республиканского идеала. Это сопротивление было важным и для других систем верований и идеологий XX в. – социал-демократии, коммунизма... Пока влияние христианства было значительным, оспаривание этого влияния требовало мобилизации общества. Ослабление его во второй половине XX в. повлекло за собой крах и этих верований, а вслед за тем атомизацию западных обществ, триумф индивидуализма и потерю коллективных ориентиров (См. об этом: [Todd 2020]).

Вслед за отказом от коллективной веры в спасение души западные общества отказались и от коллективных идеалов государства-нации. Место святыни не смогли занять «общечеловеческие ценности» и разного рода международные хартии о правах человека, которые никого ни к чему не обязывают, пишет Дебрэ, указывая на зыбкость

понятия «ценностей». Можно сколько угодно взывать к ценностям, но требовать строгого следования им невозможно, равно как невозможно и санкционировать за несоответствие им. Другое дело – святыни. Они налагают запреты и обязательства, наказывают святотатство и требуют жертв. Когда одна религия изживает себя, на ее место должна прийти другая. Может ли «зеленая идеология» и защита планеты стать новой всепланетной религией? – вопрошает философ в трактате «Зеленый век: смена цивилизации» [Debray 2020]. Сегодня у нее уже есть свои священные синоды и процессии, свои святые, проповедники и еретики, фундаменталисты и скептики. Тогда как «красный век» имел пирамидальную общественную структуру, авторитарную и централизованную, «зеленый век» – это век неформальных горизонтальных сетевых связей, век господства видеосферы.

Дебрэ не ставит под вопрос серьезность экологической угрозы. Он, однако, отвергает биологизм, уравнивание человека с животным миром, свойственный многим адептам «зеленой религии». Новый катехизис смещает восприятие человека как существа духовного к восприятию его как существа природного. Но глядя на себя только как на дитя природы, человек рискует забыть о своей собственной глубинной сути, о том, что он – единственное из всех живых существ, ищущее смысл и оправдание своему существованию.

Выбор, пишет Дебрэ, не должен стоять между культурой, вырванной из природы и природой, лишенной культуры. Дебрэ ссылается на Виктора Гюго, определявшего человека как существо, имеющее три типа потребностей и соответствующие им три сферы жизнедеятельности – религия, общество и природа. Человеку нужна вера (для этого он строит храм), ему нужно творчество (для этого у него есть социум), он должен искать способы к выживанию (для этого он создал плуг и корабль). Человек несводим к животному – и зеленая религия, пишет Дебрэ, не должна забывать об этом. Но можно ли придать ему статус «гражданина мира», чья родина – вся планета? Разумеется, экологическая угроза – это угроза планетарного масштаба, и сохранение Земли – наша всеобщая забота. У человечества есть общие интересы (хотя бы борьба за выживание), у него есть общее достояние – «достояние человечества». Но привела ли глобализация к возникновению в нашем сознании ощущения глобального дома, единого для всех и более значимого, чем каждая отдельная цивилизация, чем каждый конкретный дом? Ответ на этот вопрос имеет первостепенное значение для выживания человечества, пишет Дебрэ. По его мнению, человек онтологически не способен ощутить себя жителем планеты, Человеком Земли. Человек – существо не только разумное, но и одомашненное, *укорененное*... Он рождается где-то, у кого-то и приобщается к человечности по-своему, следуя ритуалам и обычаям своей общины. Вся планета в качестве дома очень велика для индивида, которому для роста и процветания необходим определенный жизненный периметр: свой угол, домашний очаг, семейные фото на каминной полке, родной язык, ощущение принадлежности, коллективные святыни. Все это подразумевает границы, которые сегодня оказались под вопросом: идея глобального мира «без границ».

Граница – важное в философии Дебрэ понятие, прямо соотносящееся с понятием святыни. Там, где есть святыня, дом, родная страна, присутствует запрет, ограничение на вход. Жизнь коллектива, равно как и жизнь индивида требует оградительного пространства. Наперекор тенденции к восхвалению «мира без границ» и порицанию границ как «величайшего зла», от которого необходимо избавиться², Дебрэ пишет «Похвалу границе» и критикует идеал «borderless» как «утопию избалованных, никогда не повзрослевших взрослых, которые тешат себя мыслью об асептизированной мирной безмятежной планете, свободной от инаковости и конфронтаций, о непорочном Эдеме, о гладкой ровной Земле, без трещин и шрамов, с которой чудесным образом исчезло бы все Зло» [Debray 2010, 18].

Эта инфантильная постнациональная интеллигенция всеми силами пытается освободить мир от той необходимой, непотопляемой реальности, которая называется «граница». Но как бы она ни старалась, ей пока что не удалось избавить человечество

от неудобного факта, что все люди рождены где-то и кем-то. Граница неискоренима, как и смертность, конечность человеческого существования – другое «зло», которому прогрессисты так хотели бы положить конец. Непристойный атавизм, коим в глазах этих прогрессистов является граница, отказывается отмирать и, напротив, распространяется с завидной силой: 27 тысяч километров новых границ с 1991 по 2010 г., и все новые стены, барьеры и ограждения растут на наших глазах, пишет Дебрэ [Debray 2010, 18].

Пост-национальные элиты, которые британский социолог Дэвид Гудхарт именуется «*people from anywhere*» (люди отовсюду) в противовес *people from somewhere* (люди откуда-то), стремятся изжить имманентную потребность в границах, а также пытаются обойти и тот факт, что мы неспособны влиять на наше прошлое. Конец европейской цивилизации, о котором Режис Дебрэ пишет в ряде своих работ, в значительной степени – результат организованной этими элитами амнезии, самоотречения, музеификации былых святынь, попытками упразднить право народов на историческую преемственность и определить человека только экономическими отношениями, а не его историей и географией.

Наиболее полно эта мысль развита в эссе «Цивилизация. Как мы стали американцами», которое открывается фразой, сказанной в 1919 г. французским поэтом и философом Полем Валери: «Цивилизации смертны, и теперь мы знаем об этом... Суждено ли Европе стать тем, чем она является в реальности: маленьким кусочком азиатского континента или она сможет остаться тем, чем она кажется: жемчужиной человечества, ценнейшей частью мира, мозгом планеты?» [Valéry 1919, 3]. Эпиграфом Дебрэ выбирает слова другого философа того же периода, представительницы христианского мистицизма Симоны Вейль, писавшей уже в 1943 г. об «американизации Европы, которая предшествует американизации всего мира» и потере памяти, к которой приведет этот процесс: «Прошлое – такая вещь, потеряв которую однажды, уже не восстановишь. Человек может стать творцом своего будущего, но он не может создать себе прошлое. Прошлое можно только сохранить. Прошлое необходимо человеку, так как является хранилищем всех духовных сокровищ. Потеря прошлого – это потеря всей метафизики» [Weil 1943, 139].

Валери и Вейль оказали немалое влияние на философию Дебрэ. У Симоны Вейль мы находим то сочетание почвенности и приверженности идеям социальной справедливости, тот «социал-патриотизм», который характерен и для Дебрэ. Главной работой Вейль является книга «Укоренение» (См.: [Weil 1949]), где она говорит о человеческой потребности в корнях как о самой главной и вместе с тем самой игнорируемой потребности человеческой души. Преподаватель философии Симона Вейль посвятила огромную часть жизни борьбе за права рабочих и даже пошла работать на завод, чтобы приблизиться к условиям жизни рабочего класса. Она категорически отрицает мысль о том, что патриотизм – это консерватизм и что он всегда имеет правую политическую окраску. Она также не признает марксистско-ленинский постулат о том, что революция за права обездоленных обязательно должна иметь интернациональную направленность. Как и любая человеческая деятельность, революционная деятельность вырастает на определенной почве, из определенных традиций, пишет она.

Очень сходную позицию мы находим у современника Вейль, Джорджа Оруэлла, говорившего о том, что настоящий революционер не может быть интернационалистом. Оруэлл противопоставлял конкретные социальные требования простого рабочего – стремление к справедливости и элементарной порядочности (*common decency*) – над-национальной абстрактной коммунистической идеологии. Чувство привязанности к родине является для него одной из фундаментальных добродетелей простого люда. «И главное, это ваша цивилизация, это вы. Вы можете проклинать ее или смеяться над ней, но вдали от нее никогда не будете счастливы... Хорошее или плохое – это ваше, вы часть этого, и до гроба будете носить отметины, которые оно оставило на вас» [Оруэлл 2003 web], – писал этот «анархист тори» (именно так называет Оруэлла французский философ Ж.-К. Мишеа).

В 1919 г., когда Валери задавался вопросом о будущем Европы, существовала европейская цивилизация, а американская цивилизация была ее ответвлением. Сто лет спустя, констатирует Дебрэ, существует американская (западная) цивилизация, а европейские культуры во всем их кажущемся многообразии – в лучшем случае ее вариации, в худшем – туземные резервы-заповедники. Господство европейской цивилизации продлилось с эпохи Кватроченто до начала американского господства, наступление которого Симона Вейль предчувствовала в 1930-е гг.

В понимании Дебрэ цивилизация – это не столько материальные осязаемые проявления человеческой деятельности, сколько коллективное бессознательное, напоминающее о том, что ни одно «я» не существует без «мы». Дебрэ ссылается на Александра Кожева, русско-французского философа неогегельянца, считавшего, что цивилизация – это, в первую очередь, те представления, которые общество считает реальностью в данный момент своего развития, не слишком задаваясь вопросом, почему это именно так. В отличие от культуры, статичной, реактивной и оборонительной, цивилизация динамична, проактивна и завоевательна. У культуры есть корни, у цивилизации – еще и крылья. Цивилизация должна именоваться «civilis-action», она деятельна и экспансивна. Культура – связана с определенными местами, цивилизация – в первую очередь с путями. Цивилизация меняется, наполняется новыми смыслами по мере того как охватывает новые участки. Культура застыла, музеифицировалась, превратилась в артефакт.

Триумф цивилизации наступает тогда, когда империя, ее насаждающая, больше не должна навязывать свое владычество силой. Когда нормы этой цивилизации вошли в обиход и стали чем-то абсолютно естественным, когда они усвоены настолько, что уже не воспринимаются как насилие: «Когда повелитель больше не должен приказывать, когда сам вопрос о существовании гегемонии кажется неуместным, а книга вроде моей – подозрительной» [Debray 2017, 12], иронизирует Дебрэ во введении к своему эссе. Сегодня триумф американской цивилизации неоспорим: процесс американизации, начавшийся в первой половине XX в. и активизировавшийся после войны с принятием плана Маршалла, теперь завершен. Американская цивилизация проникла глубоко, стала нашей второй природой. Мы срослись с ней, переняв мышление, образ жизни, трудовые нормы, образ питания и даже мечты, полагает философ [там же]. Отныне «уже не нужно, чтобы Америка правила миром, достаточно того, что мир стал Америкой», признает американский политолог Т. Барнетт. Это было сделано не оружием, а тем, что мы называем «soft power»: мягкая сила. «Благодаря этой силе – «Гарвард плюс Голливуд» – американская сверхдержава стала для нас родной, и мы следим за ее конфликтами с тем же интересом, что и за происходящим у нас дома» [Debray 2019, 25].

Очевидным, пусть и не всегда осознаваемым инструментом гегемонии, является язык. Ведь язык – это не просто способ общения, это интеллектуальная матрица, посредством которой навязываются определенные ценности и определенная юридическая и политическая культура. Такой матрицей для европейцев стал английский – при том, что на сегодняшний день он не является первым языком ни для одной из стран Союза. Многочисленные признаки повседневной и уже не замечаемой европейцами американизации (преобладание американской культурной продукции, засилье american way of life, заимствование американской формы управления на предприятиях и в государственном секторе, принятие американской мифологии «self-made man», распространение американских методов борьбы против дискриминации) говорит о том, что мы живем в пост-европейскую эпоху, что европейская культура растворилась в западной, где безраздельно господствуют США. «Сегодня Европа тянется не от Атлантики до Урала и не от Бреста да Санкт-Петербурга, но от Лос-Анджелеса до линии Одер – Нейсе. Европа – это уже не цивилизация в том смысле, что она больше не экспортирует свои стандарты, а интегрирует чужие. Центр тяжести западного мира давно переместился по ту сторону Атлантики. Рим уже не в Риме», – заявляет Дебрэ [ibid., 28–29].

Ирония судьбы состоит в том, что экспансия Pax Americana оказалась уделом континента, который должен был быть конкурентом США – Единой Европы. Кто мог ожидать, что Европа будет так усердствовать, уничтожая свою идентичность, ликвидируя все то, что составляло ее душу? Европейцы сами своими руками ликвидируют то, что гарантировало жизнеспособность их многоликой цивилизации. Философ всегда занимал весьма критическую позицию в отношении европейского проекта интеграции континента в единое сообщество; уже в 1980–1990-е гг. он заявлял, что маастрихтская Европа – это тупик, ловушка, саморазрушение.

Единая Европа – проект европейских социал-демократов, которые после войны решили положить конец национализмам, построив федеральное государство, управляемое супранациональной «нейтральной» технократией. Для этого они заменили «национальную идею» идеалом единого рынка и общего права, на котором и зиждется ЕС. Но общая Конституция или общий рынок не в состоянии создать чувство принадлежности, заменить общий язык, легенды, память о предках. Европейский «конституционный» патриотизм (теоретизированный Юргеном Хабермасом в 1970-е гг.) сух и безвкусен, пишет Дебрэ. Европеизм – бледная и убогая политическая религия, которая очень быстро иссякла. Ведь привязанность и стремление присоединиться к ЕС исключительно рациональны, связаны с поиском выгоды и материальных бонусов.

Да и что европейского осталось в этой Европе, некогда «покрытой белым покровом церковей» (в описании бургундского монаха-летописца XI в. Рауля Глабера), а сегодня покрытой сине-звездным покровом супермаркетов, вопрошает философ. Сегодня мы живем в «Европейском союзе», который не европейский, и не союз, а скорее объединенное под патронажем США рыночное пространство, чьи участники находятся в состоянии жесткой конкуренции и мало интересуются друг другом.

Сейчас звучат идеи о том, что идентичности Европы равнозначна отсутствию идентичности как таковой, а вернее, равнозначна открытости для всех идентичностей. Но когда ее нет – какие ценности ставить во главу угла, кроме тех безликих универсальных прав, что фигурируют в Хартии ООН? Как говорил французский писатель-антиколониалист Эме Сезер, есть два способа потерять себя: полностью замкнувшись на себе или растворившись в универсальном... Очевидно, Европа выбрала второй способ. Не исключено, полагает Дебрэ, что когда-то наши потомки будут говорить о проекте Европейского союза как о второй фазе саморазрушения Европы, последовавшей за первой – войной 1939–1945. Первая губила тело Европы, вторая – ее дух (и обе были, по горькой иронии судьбы, задуманы как операции по ее спасению). Как и Симона Вейль (а чуть ранее Шпенглер), Поль Валери предвидел процесс самоотречения Европы, говоря: «...не зная, как нам отделаться от нашей истории, мы будем освобождены от нее счастливыми народами, лишенными или почти лишенными собственной. Эти счастливые народы навяжут нам свое счастье» [Valéry 1945, 32]. Американская цивилизация поддерживает свою жизнеспособность, так как, в отличие от европейских, ее мифы («In God we trust» и зеленый билет, на котором начертаны эти слова) живы и оказывают мобилизующее, притягивающее воздействие на другие народы.

«Реквием по Европе» Дебрэ созвучен «завещанию» де Голля. В предсмертных беседах с Андрэ Мальро основатель Пятой Республики говорил так: «Вне сомнения, мы – свидетели конца Европы... Европа, чьи нации ненавидели друг друга, была куда реальнее сегодняшней Европы. Да, да! Вопрос не в том, сможет ли Франция построить Европу; надо понять, что гибель Европы приведет к гибели Франции» [Malraux 1971, 228].

Мысль о том, что превращение европейской цивилизации в западную атлантическую идет параллельно с выхолащиванием основ Французской Республики, развита в одной из самых известных и цитируемых работ Дебрэ – статье «Кто Вы – демократ или республиканец?» [Debray 1989 web]. В этой статье автор настаивает на необходимости четкого разграничения идеи Республики (чей современный французский вариант вышел из Французской Революции) и идеи Демократии (чей современный либеральный вариант оформился в англосаксонском мире в многовековом процессе

ограничения монархической власти). Французская единая неделимая светская демократическая и социальная республика – уникальный артефакт, ценный и хрупкий. Увидеть и понять эту особенность необходимо для того, чтобы предотвратить ее исчезновение, ее превращение в «обыкновенную демократию».

Различие двух типов общественной организации Дебрэ демонстрирует через долгий набор антитез: «Как Хомо Сапиенс это “млекопитающее плюс”, Республика – это “Демократия плюс”. Республика – это свобода плюс разум. Правовое государство плюс справедливость. Толерантность плюс воля. Демократия, скажем мы, это то, что остается от Республики, когда погас свет Просвещения» [Debray 1989 web].

В Республике первично универсальное, коллективное: каждый депутат представляет здесь всю нацию. В демократии первично индивидуальное, частное, привязка к своему региону и общине, чьи интересы должен защищать народный представитель в демократии. Республиканское правительство унитарно и централизовано. Народ объединяют не только единые законы, но и общие ценности, высшие интересы государства и коллектива. В Республике каждый определяет себя как гражданин и все они составляют нацию, «единое тело граждан, живущих по единому закону и представленное единым законодателем» (в соответствии с определением одного из главных творцов первой Французской Республики, аббата Сийеса).

Речь идет именно о Французской Республике и именно о современной либеральной рыночной демократии, то есть лишь одной из форм демократии, затмившей, однако, все остальные. Самым ярким ее воплощением, разумеется, является американская демократия, о которой критик Алексис де Токвиль писал: «Индивидуализм – характерный для членов демократических обществ – это взвешенное, спокойное чувство, побуждающее каждого гражданина изолировать себя от массы себе подобных и замыкаться в узком семейном и дружеском круге. Создав для себя, таким образом, маленькое общество, человек охотно перестает тревожиться обо всем обществе в целом. Таким образом, демократия не только заставляет каждого человека забывать своих предков, но отгоняет мысли о потомках и отгораживает его от современников; она постоянно принуждает его думать лишь о самом себе, угрожая в конечном счете заточить его в уединенную камеру собственного сердца» [Токвиль 1992, 373].

Способность к забвению – сила Демократии. Каждая новая эпоха – новая точка отсчета. Тогда как первый долг Республики – это долг памяти. Демократия – это политическое устройство визуальной цивилизации, Республика – строй цивилизации графосферы. Пиарщик, телезнаменитость, бизнесмен – элита Демократии. Служитель государства, военный, преподаватель – элита Республики. Имущественное неравенство мало смущает демократию, которая тем громче говорит о публичных и индивидуальных свободах, чем больше в них экономического неравенства. Под равенством Демократия подразумевает лишь юридическое формальное равенство всех перед законом, республиканец же требует некоторого минимального имущественного равенства, без которого гражданский пакт становится пустым звуком. Республика знает, что она партикулярна, поскольку зиждется на нации; считая свои принципы универсально годными, она не стремится навязывать их иначе как своим собственным примером. Демократии свойственно самолюбование и мессианский характер, она ставит себя универсальной моделью и готова навязывать свои правила – будь то силой убеждения или... просто силой.

Отдавая явное предпочтение республиканской модели (благодаря этой статье Дебрэ и заслужил прозвище «последнего оракула Республики»), философ не идеализирует ее: «Очевидно, Французская Республика нуждается в большей демократизации: с нее нужно снять наполеоновский жир, авторитаризм, излишнюю вертикальность, избыточную бюрократию, остатки монархизма. Но она не станет более демократичной, став менее республиканской, а лишь последовательно реализуя свои республиканские принципы. Полностью противопоставить Республику Демократии – значит

убить Республику. Но свести Республику к Демократии – приведет к тем же последствиям» [Debray 1993 web].

После вышесказанного приходится признать, что битва за Республику, фактически, уже проиграна. Да и битвы как таковой не было... Произошло «смещение тектонических плит под нашими ногами», которое мало кто почувствовал и осознал. Государство еще мнит себя Республикой, но общество уже чувствует себя и ведет себя как Демократия. Идея Республики и республиканской школы безнадежно устарела. Они предполагают некие гражданские обязанности, тогда как все вокруг говорит только о правах – владеть, потреблять, проявлять свою индивидуальность, наслаждаться жизнью... Теория «Conquest of cool», которую американский культуролог Томас Фрэнк применял к инструментализации молодежных контркультур сектором рекламы, годится и для описания трансформации западных обществ. Идея гражданской службы и долга, без которых немислима Республика, это не «cool», пишет Дебрэ, намеренно используя американское слово, ставшее знаменем поколения «global». Очевидно, что вытеснение республиканской модели демократической есть следствие растворения европейской цивилизации в атлантической.

Дебрэ смотрит на исчезновение своего мира и своей Французской Республики с фатализмом. В 1990-е гг. оживить республиканский дух еще казалось ему возможным. Что если Республика, которую мы знали вчера, вернется завтра? – писал он. Сегодня только республиканское государство и соответствующее ему общество способны дать отпор тем силам, что все больше угрожают свободе индивидов: рынки, цифровые технологии, религиозный фанатизм, технократия. Вчера свобода попиралась государством и его цензорами, сегодня наибольшую угрозу представляет «гражданское общество» – какофония appetites и непримиримых конфликтов. Потому самый, казалось бы, устаревший политический режим и будет самым прогрессивным. Как предлагал Джузеппе Верди: «Давайте вернемся в античность, это и будет прогресс».

Это же решение по-своему предлагает и Э. Тодд, который в своей последней работе «Классовая война во Франции в 21-м веке» задается вопросом о причинах кризиса способности коллективного действия. По его мнению, причина коллективного бессилия – глубокий религиозный кризис, исчезновение понятия справедливости и общего идеала как таковых. «В нашем не просто атеистическом, но пост-религиозном мире религиозная пустота привела к атомизации и бессилию наших обществ. Понимая, что кризис наших обществ – это кризис религиозного порядка, нет никакого смысла пытаться предложить решения технического, экономического, политического или даже геополитического свойства. Чтобы общество вновь обрело единство, обеспечиваемое религиозными или квази-религиозными общими верованиями, ему необходима новая религия или квази-религия, которая стимулирует общенациональный духовный подъем. Сегодня, невозможно представить себе, чтобы эту роль вновь взял на себя католицизм; поэтому единственная идея, способная мобилизовать массы, – это идея патриотическая» [Todd 2020, 365].

Но если Тодду подобная реанимация французского патриотического духа кажется не только желательной, но и вероятной (зачатки нового духовного подъема нации он видит в народном движении «желтых жилетов»), то Дебрэ сегодня она представляется уже невозможной.

Ведь чтобы противостоять возникающему на наших глазах новому мировому порядку, нужна сила, которую дает только глубокая вера (будь она гражданская или религиозная). Чтобы сдерживать центробежные силы, предотвратить «растворение в универсальном», необходима сильная культурная однородность населения и некий национальный мистицизм. Но и то, и другое, по словам Дебрэ, исчезло. Сегодняшнее государство исповедует лишь агностицизм и скептицизм, оно отказалось от своей сакральной консолидирующей функции. Впервые в нашей истории никто больше не готов умирать за отечество, бывшие святые стали пустым звуком. А раз так, время Французской Республики, равно как и время европейской цивилизации, сочтено.

Примечания

¹ В российской публицистике чаще принято написание его имени как «Режи», но правильным является «Режис».

² Так, глава Еврокомиссии Жан-Клод Юнкер (2014–2019) однажды заявил, что национальные границы – это худшее изобретение всех времен.

Источники и переводы – Primary Sources and Translations

Дебрэ 2010 – *Дебрэ Р.* Введение в медиологию. М.: Праксис, 2010 (Debray, Régis, *Introduction à la médiologie*, Russian Translation).

Оруэлл 2003 web – *Оруэлл Дж.* Лев и единорог: социализм и английский гений // *Оруэлл Дж.* Лев и Единорог. Эссе, статьи, рецензии. М.: Московская школа политических исследований, 2003. URL: https://orwell.ru/library/essays/lion/russian/r_eye (Orwell, George, *The Lion and the Unicorn: Socialism and the English Genius*, Russian Translation).

Debray, Régis (1989 web) “Etes-vous démocrate ou républicain?”, *Nouvel Observateur*, URL: <https://www.nouvelobs.com/politique/20150428.OBS8077/etes-vous-democrate-ou-republicain-par-regis-debray.html>

Debray, Régis, Fumaroli, Marc (1993 web) “Dictature de l’image? Régis Debray, Marc Fumaroli: un échange”, *Le Débat*, 1993/2, (74), pp. 3–20, URL: <https://www.cairn.info/revue-le-debat-1993-2-page-3.htm>

Debray, Régis (2010) *Eloge de la frontière*, Gallimard, Paris.

Debray, Régis (2017) *Civilisation. Comment nous sommes devenus américains*, Gallimard, Paris.

Debray, Régis (2019) *Le fantôme de l’Europe*, Tracts Gallimard, Paris.

Debray, Régis (2020) *Le Siècle Vert, un changement de civilisation*, Tracts Gallimard, Paris.

Debray, Régis, Colosimo, Jean-François (2020 web) “La nation, le politique et le religieux”, *Revue des deux mondes*, mars 2020, URL: <https://www.revuedesdeuxmondes.fr/article-revue/la-nation-le-politique-et-le-religieux/>

Malraux, André (1971) *Les chênes qu’on abat*, Gallimard, Paris.

Valéry, Paul (1919) *La crise de l’esprit*, Éditions Manucius, Paris.

Valéry, Paul (1945) *Grandeur et décadence de l’Europe*, Gallimard, Paris.

Weil, Simone (1943) *Écrits historiques et politiques*, Gallimard, Paris.

Weil, Simone (1949) *L’enracinement*, Gallimard, Paris.

References

Jaigu, Charles (2016 web) “Régis Debray, professionnel du désenchantement”, *Le Figaro*, 21.10.2016, URL: <https://www.lefigaro.fr/culture/2016/10/21/03004-20161021ARTFIG00060-regis-debray-professionnel-du-desenchantement.php>

Todd, Emmanuel (2020) *Les luttes de classes en France au XXIe siècle*, Seuil, Paris.

Сведения об авторе

РУТКЕВИЧ Наталия Алексеевна –
кандидат философских наук,
политолог, обозреватель, франковед.

Author's information

RUTKEVICH Natalia A. –
CSc. in Philosophy, political scientist, journalist,
French politics and French policy studies.